ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
НАШ САЙТ: denlit.ru
ЭЛЕКТРОННЫЙ АДРЕС:
denlitera@yandex.ru

ДАЛЁКОЕ – БЛИЗКОЕ

ГАЗЕТА РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ
“ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ”
№ 8(262) – 2018

Душа грустит о небесах

Анатолий БАЙБОРОДИН

"Народ проявит своего Пушкина..."

Мать Россия вынашивала деревенского поэта Сергея Есенина весь золотой век поэзии, потом выпаивала из ключей устного песенного слова. Его и вместе с ним иных даровитых сельских стихотворцев, а потом и нынешних писателей деревни, прославленных всесветно, предрёк Федор Достоевский ещё в 1871 году. В то лето Федор Достоевский пишет Николаю Страхову:

"А знаете – ведь это всё помещичья литература. Она сказала всё, что имела сказать (великолепно у Льва Толстого), – но это в высшей степени помещичье слово было последним. Нового слова, заменяющего помещичье, ещё не было...".

Помещичье слово заменилось, но чем?! После глубокомысленной или изнеженной, игривой или студёнотомной барской литературы выползла из дешевеньких квартир и мансард ещё и ворчливая, болезная интеллигентская литература, а потом яростно замахала кулаками и пролетарско-бичевская – "безумству храбрых поём мы песню..."; и все эти литературы, уводя народ от Христовой Истины, столько посеяли в умах нелюби и смуты, что породили братоубийственную сечу и обрекли Русь на гибельные муки.

Насмешивший западников "куфельным" (кухонным) мужиком – спасителем России, славянофил-почвенник Федор Достоевский, поразмыслив, добавляет: "Когда народ, как он твердо станет, он проявит своего Пушкина…".

И народ явил своего Пушкина – в рязанском селе родился поэт Сергей Есенин...

Это предвиденье великого народного поэта было у Достоевского, конечно, не случайным. Слушая крестьянскую песню, он – в отличие от иных дворянских писателей вернее разглядевший русскую душу, хотя и живший вне народно-обрядовой жизни, вне народной языковой стихии, – вдруг удивленно, озарённо промолвил: "Ах вы сени, мои сени... Поэт не ниже Пушкина...".

И это сказал Достоевский, в Пушкине души не чаявший, и в речи, произнесенной в заседании Общества любителей российской словесности, вдруг воскликнувший: "Никогда ещё ни один русской писатель, ни прежде, ни после его, не соединялся так задушевно и родственно с народом своим, как Пушкин".

И вот на тебе: "Поэт не ниже Пушкина..." А может, выше Пушкина?.. Если припомнить, что и "Сени..." – песня не самая великая в необозримой народной поэзии... Впрочем, о том, что явится поэт "не ниже Пушкина", Федор Достоевский говорил и раньше, ещё в 1861 году:

"Мы готовы признать, что может явиться народный поэт и в среде самого простонародья, – не Кольцов, например, который был неизмеримо выше среды своей по своему развитию, но настоящий простонародный (деревенский, – *А.Б.*) поэт. Такой поэт, во-первых, может выражать свою среду, но не возносясь над ней отнюдь, а приняв всю окружавшую действительность за норму, за идеал. Его поэзия почти совпадала бы тогда с народными песнями. (Как и вышло со многими стихами Есенина, – *А.Б.*) /.../ Такой поэт мог бы быть очень силён, мог бы выразить неподдельно народ".

Но тогда Достоевский, будучи славянофилом особого почвенного толка, ещё спорил со славянофилами аксаковского согласия, которые видели великую духовную и культурную ценность народа в его нетронутой книжным просвещением национальной самобытности. (В нынешнем научно-техническом веке новоявленные славянофилы полярно изменили взгляды на книжную просвещенность нашего народа, настаивая лишь на русскости народного просвещения.) Споря же с аксаковским согласием, Достоевский тогда, возможно, был ещё сам в плену своей дворянской книжной образованности, в плену критериев поэзии, выработанных той же помещичьей литературой, в плену, наконец, и своего происхождения, – как и всё почти дворянство, духовно, культурно настолько был далёк от простонародья, то есть крестьянства, что оно было для него неведомым, прекрасным миром, который он всю жизнь с мучительной любовью постигал, на который – ни на какое другое сословие – он возлагал великие духовные надежды в будущей истории России. Итак, расходясь с хомяковско-аксаковскими славянофилами, напуганными развратным западным просвещением, Достоевский тут же и добавляет:

"Но во всяком случае, он (поэт из простонародья, не искушенный книжной грамотностью, – *А.Б.*) был бы неглубок и кругозор его был бы очень узок. Во всяком случае, Пушкин был бы неизмеримо выше его".

И всё же через десять лет Федор Достоевский воскликнет, что "Ах вы сени мои, сени... Поэт не ниже Пушкина", и что "народ проявит своего Пушкина".

Таким манером Федор Достоевский как бы и предрёк приход Есенина...

Почти в ту же пору начинает омужичиваться Лев Толстой …как сказали бы нынче, косит под мужика… потешая хитроватых мужичков, берётся за соху, пашет, сеет хлебушек, а потом, лежа на диване, читает Марка Аврелия. Вечерами учит крестьянских детей грамоте, хотя тех азы, буки, веди страшат, что медведи, хотя помнит, что Гоголь боялся книжной грамотности, которая заразит простонародье порочным французским чтивом и замутит православный дух. Впрочем, надо отдать должное Льву Николаевичу: чтиво, которое одолевали сельские ребятишки, было ясным, нравственно-назидательным и предельно близким обыденной и праздничной жизни крестьян. Он и сам написал дивную, добрую, народную книжку рассказов для крестьянских детей. Один "Филиппок" чего стоит… Тогда же, отвлекаясь от еретических, умственных блужданий в Христовом Учении, от поисков истины в Талмуде, Коране, буддизме, в восточных и западных философиях, отдыхая от нападок на Русскую Православную Церковь, величавый писатель неожиданно затевает серию книг, где печатались сельские писатели.

И в крестьянской прозе конца девятнадцатого века были добротные мастера народного слова, выразители народного духа, но писатели нынешнего века, прозванные деревенскими, – Борис Шергин, Василий Шукшин, Федор Абрамов, Василий Белов, Валентин Распутин, Владимир Личутин, – и духом, и словом вознеслись над ними. Похоже, те вышли слишком социальны, а посему и не смогли с тихим и певучим восторгом напоить своё письменное слово боголюбивым, человеколюбивым, природолюбивым крестьянским духом, как не смогли и украсить этот дух словесным волшебством, кое жило тогда в устном поэтическом народном слове и которое даже и Пушкину было не по плечу. Для доказательства можно вспомнить хотя бы неграмотную, нищую и великую северную сказительницу Ирину Андреевну Федосову (1831-1899), от которой Барсов записал два тома поэм-плачей (30 тысяч стихов). А поэмы Федосовой – это не "Ах вы сени, мои сени...", это непостижимый для книжного сочинителя божественный взлёт творческого духа. Но об этом мы поговорим чуть позже...

И вот пришел Сергей Есенин.

И не сказать, что именно в нём русский простой народ и явил своего Пушкина, – народный дух и народное слово намного шире, – но, кажется, именно в нём он и попытался явить его. А вероятнее всего, народу и не нужно было своего Пушкина – в народе, как уже было сказано, ещё жило песенное, былинное и сказовое слово, о котором – как и о небе и земных красотах – даже и не скажешь: талантливо или гениально, ибо оно, народное творчество, тем паче иконопись, духовная поэзия, житийная проза, выше этих суетных понятий.

Не вернусь я в отчий дом,
Вечно странствующий странник...

Где же источные ключи есенинской поэзии?.. Они в поэзии народной. Поэт вместил в свой творческий дух и деревенского юродивого, и деревенского сказителя, которые сплошь да рядом были никудышными крестьянами, а посему и отношение сельского мира было к ним порой сложным.

Русские – чую и вижу крестьян православных, ибо и Русь была крестьянской, и слово-то само крестьянин родилось от слова христианин, – так вот, русские во всякой деревушке, не говоря уж о селе с церквами, имели своих юродивых во Христе, убогих (у Бога душой обитающих уже и в бренной земной жизни), кои молились за крестьян, которые, что греха таить, в страдную пору дорогу к церкви забывали.

Славились в деревнях и селах наравне с юродивыми во Христе и доморощенные балагуры, баешники, бодяжники (мастера бодяги заливать) – словом, устные поэты. И тускнеет книжная поэзия, даже пушкинская, пред их мудрым словом, кружевным, резным, молвленным ли на завалинке, у русской ли печи при лучинушке, вопленным ли на свадьбе и похоронах, на проводах рекрутов, спетом ли в застолье, в хороводе. Не все они – сказители, певни, плакальщицы-вопленицы – были ровни по духовной силе и красе слова, но и великих рожала земля русская. Вспомним и Киршу Данилова, и сказителей Рябининых, и уже помянутую добрым словом вопленицу Арину Федосову, и сказочницу-былинщицу Марью Кривополенову, за малый рост прозванную Махоней, и даже нашего присаянского земляка Сороковикова-Магая. Их поэзию не вместить в книги, сколько бы их не издавалось на Руси, как сроду не вместить в альбомы все красоты русские.

Но вот, скажем, "Причитания северного края" Ирины Федосовой, напечатанные в трех томах (1872-1875 годы), получили всесветную славу. Об этой книге писали статьи знаменитые ученые академики Л.Н. Майков и А.Н. Веселовский. Её поэмы-плачи звучали на больших заседаниях в Российской академии Наук, в Русском географическом обществе, в Археологическом институте, на вечерах у графа Шереметьева и Победоносцева. Ирину Андреевну слушали, читали, с восторженным удивлением писали о ее поэмах-плачах и Некрасов, и Римский-Корсаков, и Балакирев, и Шаляпин, и Пришвин, и Твардовский, и даже Горький, не привечавший русского крестьянства; мало того, они и в своем творчестве вдохновлялись поэзией деревенской бабы, которая... не знала книжной грамоты и долго бродила по родимой земле с нищенской котомкой и певучей причетью. Некрасов один из плачей Ирины Федосовой ввёл в поэму "Кому на Руси жить хорошо". Близки её поэтические причитания были, конечно, и Есенину. Это она, Арина Федосова, деревенщина простая и вещая, провидела ещё задолго до кровавого переворота:

Хоть повыстанем
по утрышку ранешенько,
Не о добрых делах мы думу думаем,
Мы на сонмище бесовско собираемся,
Мы во тяжких грехах
да не прощаемся!
Знать, за наше за велико беззаконие
Допустил Господь
ловцов да на киян-море;
Изловили они рыбоньку незнамую,
Повыняли ключи да подземельные,
Повыпустили горюшко великое!
Зло несносное велико это горюшко
По Россиюшке летает
ясным соколом,
Над крестьянамы, злодийно,
чёрным вороном. (...)
Послухайте словеса наши старинные,
Заприметьте того,
малы недоросточки!
Уж как это сине морюшко сбушуется,
Вси изменятся
пустыни богомольные,
Разорятся вси часовенки спасенные.

Устное поэтическое слово – вот семенное зерно, из коего взошла, заколосилась есенинская лирика, и не увяла даже при духовной засухе.

"Опасайся предсказаний..."

Андрей РУМЯНЦЕВ

О литературных пророчествах

В конце восьмидесятых годов я написал такое стихотворение:

Меня растил жестокий век,
С рожденья душу ложью тронув,
Чтоб был я, вольный человек,
Рабом случайных фараонов.
А лес шумел.
В лугах роса
Босые ноги холодила.
Но пыль идей мела в глаза,
Но свалка мертвых слов смердила.

…Река все так же будет течь,
Нести звезду во мгле холодной.
О как бы сына мне сберечь
Для жизни чистой и свободной!

Две последние строки в этом стихотворении вырвались сами собой, как естественный возглас. Не было никаких оснований для дурных предчувствий. Но, как оказалось, рукой моей водило провидение. Обрушились страшные годы – с повсеместной разрухой, повальной нищетой, невиданным насилием. И январской ночью девяносто третьего в небольшом подмосковном городке грабители зверски убили моего сына, редактора местной газеты, вломившись в квартиру и польстившись на копеечный скарб. Все эти годы я живу под тяжестью безмерной личной вины: вместе с миллионами русских людей я позволил банде циничных и наглых перевертышей во главе со спившимся дегенеративным паханом захватить власть, присвоить богатства страны, занести топор беззакония над каждой нашей семьей. Но это разговор отдельный…

А сейчас речь о предчувствиях, о невольных предсказаниях. Я знал давно, что со словом – и устным, и, особенно, письменным – нужно обращаться осторожно; слово имеет вещую силу. Добрый совет собратьям на этот счет дал поэт Арсений Тарковский:

Власть от века есть у слова,
И уж если ты поэт,
И когда пути другого
У тебя на свете нет,
Не описывай заранее
Ни сражений, ни любви,
Опасайся предсказаний,
Смерти лучше не зови!

Слово только оболочка,
Пленка жребиев людских,
На тебя любая строчка
Точит нож в стихах твоих.

И все же после собственной трагедии я как бы заново увидел, что сбывшиеся предсказания в нашей отечественной литературе – история не такая уж редкая. Пример, как всегда, подавали классики. Начнем с Александра Пушкина.

...По свидетельствам современников Александра Пушкина (С.Соболевского, П.Нащокина, А.Вульфа и др.), еще в молодые годы поэта, в Петербурге, гадалка Кирхгоф предсказала ему, что он проживет долго, если на тридцать седьмом году жизни с ним не случится несчастья, которое может принести белый человек или белая лошадь. Помнил ли об этом поэт, отправляясь на дуэль с Дантесом, который был русоволос и носил белый кавалергардский мундир? Наверное, помнил. Но

там, где речь шла о чести, великого Пушкина не могло остановить никакое предсказание...

В стихах Михаила Лермонтова тоже можно найти немало мрачных предчувствий. В конце тридцатых годов, например, он писал: "Но я без страха жду *довременный конец…*" (выделено мной, – *А.Р.*). А в сорок первом, незадолго до гибели, в стихотворении, посвященном поэтессе Евдокии Ростопчиной, Лермонтов признавался:

Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать,
Боюсь предательскому звуку
Мечту напрасную вверять.

Именно Евдокия Ростопчина оставила наиболее интересное свидетельство, относящееся к теме нашего разговора. В феврале 1841 года Лермонтов, благодаря хлопотам своей бабушки Е.А. Арсеньевой, приехал в Петербург, в двухмесячный отпуск. Тогда-то опальный поэт и подружился с Ростопчиной. Позже в письме к знаменитому французскому писателю Александру Дюма-старшему она рассказала о мучительном настроении, которое овладело Лермонтовым накануне отъезда на Кавказ, где его ждала гибель.

Вот этот рассказ: "Лермонтову очень не хотелось ехать, у него были всякого рода дурные предчувствия. Наконец, около конца апреля или начала мая мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути (автор неточен: проводы поэта состоялись 12 апреля, – *А.Р.*). Я одна из последних пожала ему руку. Мы ужинали втроем, за маленьким столом, он и еще другой друг, который тоже погиб насильственной смертью в последнюю войну. Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его, казавшимися пустыми, предчувствиями, но они поневоле на меня влияли и сжимали сердце. Через два месяца они осуществились, и пистолетный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь, составлявшую национальную гордость".

О Николае Гоголе как провидце говорят страницы многих его сочинений. Он прозревал века, раздумывая о социальной жизни, религии, искусстве, нравственности. Но предчувствовал ли он будущие события собственной судьбы? Да, предчувствовал и без страха писал об этом. Гоголь смолоду предполагал, что жизнь его будет коротка. В письме к В.А. Жуковскому в 1837 году (напомню, что писателю было тогда лишь 28 лет) он признавался: "Я дорожу минутами жизни, потому что не думаю, чтобы она была долговечна". А в повести "Старосветские помещики" он доверительно рассказал о себе историю, похожую на фантазию: "Вам, без сомнения, когда-нибудь случалось слышать голос, называющий вас по имени, который простолюдины объясняют тем, что душа стосковалась за человеком и призывает его, и после которого следует неминуемо смерть. Я помню, что в детстве часто его слышал: иногда вдруг позади меня кто-то явственно произносил мое имя. День обыкновенно в это время был самый ясный и солнечный; ни один лист в саду на дереве не шевелился, тишина была мертвая, даже кузнечик в это время переставал кричать; ни души в саду, но, признаюсь, если бы ночь, самая бешеная и бурная, со всем адом стихий, настигла меня одного среди непроходимого леса, я бы не так испугался ее, как этой ужасной тишины среди безоблачного дня. Я обыкновенно тогда бежал с величайшим страхом и занимавшимся дыханием из сада, и тогда только успокаивался, когда попадался мне навстречу какой-нибудь человек, вид которого изгонял страшную сердечную пустыню".

Оценивая это признание великого писателя, В.Короленко, например, считал, что в нем нет никакой мистики. Он объяснял предчувствие творческими людьми грядущих несчастий или даже смерти таким образом:

"Это – не простая работа объективно художественного воображения. Нет, это живое, осязательное ощущение… Оно не вызывается особыми внешними обстоятельствами; наоборот: для него нужно исключительное однообразие существования, полное душевное и внешнее затишье… Ни лист не шелохнется, ни кузнечик не закричит. А внутри сердечная пустыня. И в этой пустыне, лишенной и других внутренних ощущений и впечатлений внешнего мира, подымается из бессознательной глубины предчувствие какого-то рокового, бессмысленного, непонятного, беспричинного, то есть чуждого душевной организации, расстройства, которое будет давить на мозг и звать непонятными голосами мировой тайны…".

Как это ни покажется странным, но с провидческим знанием своей судьбы Гоголь прожил чуть ли не всю жизнь. Ощущение приближающейся смерти, "зов с того света", "знамения", которые предшествовали уходу из жизни некоторых гоголевских героев, например, Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича из тех же "Старосветских помещиков", оказались очень похожими на все то, что почувствовал перед кончиной сам писатель.

Впрочем, крупные писатели оказывались пророками не только тогда, когда дело касалось времени или обстоятельств их будущей кончины. Многие художники слова как раз неохотно затрагивали эту тему, справедливо отдавая свою судьбу Божьей воле, а предпочитали заглянуть в будущее родной страны, человеческого сообщества, науки, искусства. Конечно, угадать предстоящие события им помогал изощренный, глубокий ум, обширные знания, научное или житейское предвидение.

И все же во многих случаях точность, с которой указывалось время будущего события, и даже подробности того, как оно совершится, нельзя объяснить только прозрением ума, результатом научного предвидения; тут вмешивались некое тайное знание, некий "голос свыше".

В 1921 году Николай Гумилев, по воспоминаниям поэтессы Ирины Одоевцевой, в разговоре с ней "утверждал, что скоро удастся победить земное притяжение и станут возможными межпланетные полеты". Это предположение для указанного года не было необычным: в ту пору основы космонавтики уже закладывал Константин Циолковский, идея межпланетных полетов носилась в воздухе. О том, что Гумилев интересовался этой проблемой, свидетельствовали его стихи, например, написанное незадолго до беседы с Одоевцевой стихотворение "На далекой звезде Венере…". Но поразительно продолжение упомянутого разговора. Поэт сказал своей собеседнице: "Я непременно слетаю на Венеру. Так лет через сорок. Я надеюсь, что я ее правильно описал". Гумилев попал, как говорится, в десятку: ровно через сорок лет, в 1961 году, в космос отправился Юрий Гагарин.

Вообще, принято считать, что космические путешествия будущего живописали только литераторы-фантасты. На самом деле, тайны небесных светил, полеты на другие планеты будоражили умы многих русских прозаиков и поэтов. Удивительно, например, что двадцатитрехлетний Сергей Есенин в "Ключах Марии" – статье чисто литературной – свободно и смело размышлял о завтрашнем дне космонавтики, как будто в те дни, когда Россию потрясала гражданская война, он уже воочию видел то, что станет возможным лишь десятилетия спустя. Есенин писал: "Воздушные рифы глазам воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные. Всюду будут расставлены вехи для безопасного плавания, и человечество будет перекликаться с земли не только с близкими ему по планетам спутниками, а со всем миром в его необъятности".

Тут синонимом будущего слова "космонавты" пока выступает более понятное: "воздушные корабельщики"; но уже прозорливо употреблено слово "спутник", которое через сорок лет впервые запестреет на газетных страницах мира в русской транскрипции.

Однако вернемся к Гумилеву. Участник первой мировой войны, он предсказал точное время следующего всепланетного пожара. Та же мемуаристка вспоминала, что в 1921 году Гумилев завел речь о новой войне России с Германией и уверенно добавил: это будет через двадцать лет.

– Я, конечно, приму в ней участие, – говорил он, храбрый офицер, кавалер двух Георгиевских крестов, – непременно пойду воевать. Снова надену военную форму, крякну и сяду на коня, только меня и видели. И на этот раз мы побьем немцев! Побьем и раздавим!

А во время февральской революции 1917 года, видя на петроградских улицах толпы возбужденного народа, Гумилев говорил: "Вот все теперь кричат: "Свобода!", "Свобода!", а в тайне сердца, сами того не понимая, жаждут одного – попасть под неограниченную, деспотическую власть, под каблук. Их идеал – с победно развевающимися красными флагами, с лозунгом "Свобода!" стройными рядами – в тюрьму. Ну, и, конечно, достигнут своего идеала. И мы, и другие народы. Только у нас деспотизм левый, а у них будет правый. Но ведь хрен редьки не слаще". Зло сказано, но, как показало время, прогноз оправдался.

И, наконец, еще одно сбывшееся предсказание этого поэта. Как известно, Николай Гумилев был обвинен в контрреволюционном заговоре и расстрелян ЧК. Будущую смерть свою он описал вещими словами (правда, предугадав не время ее, а обстановку, в которой она произойдет):

И умру я не на постели,
При нотариусе и враче,
А в какой-нибудь дикой щели,
Утонувшей в густом плюще,
Чтоб войти не во всем открытый,
Протестантский, прибранный рай,
А туда, где разбойник, мытарь
И блудница крикнут: "Вставай!".

Незадолго до кончины Александр Блок выступил в Петроградском Доме литераторов на вечере, посвященном 84-ой годовщине со дня смерти Пушкина. Гибель русского гения Блок объяснил так: "Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем…". Это, на первый взгляд, простое объяснение имеет на самом деле глубокий смысл: жизнь Пушкина последних лет, а особенно последних месяцев, его житейское, творческое, нравственное, общественное существование напоминало дьявольское удушение; по мысли Блока, у Пушкина отбирали творческий покой, творческую волю, поэтическую свободу.

Современники Блока считали, что, говоря о гибели Пушкина, он невольно предсказал причину собственной смерти. Поэт Георгий Иванов писал: "Врачи, лечившие Блока, так и не могли определить, чем он, собственно, был болен. Сначала они старались подкрепить его быстро падавшие без явной причины силы, потом, когда он стал, неизвестно от чего, невыносимо страдать, ему стали впрыскивать морфий… Но все-таки от чего он умер? "Поэт умирает, потому что дышать ему уже нечем…". Эти слова, сказанные Блоком на пушкинском вечере… быть может, единственно правильный диагноз его болезни".

В самом деле, в голодном Петрограде 1921 года, в дни дикого террора, без близких друзей, при полном равнодушии власти поэту не хватило воздуха, солнечного тепла, милосердия, участия. Его погубила жестокость, беспощадность революции.

Еще один поэт, уже наш современник, Николай Рубцов предугадал свою кончину с точностью до дней. Он погиб ночью 19 января 1971 года. А менее чем за год до смерти написал строки:

Я умру в крещенские морозы.
Я умру, когда трещат березы.
А весною ужас будет полный:
На погост речные хлынут волны!

Может показаться, что это предсказание в стихах поэта случайное. Для иных читателей творчество Рубцова, его облик не вяжутся с понятием "пророк". Однако этот взгляд поверхностный. В стихах всякого крупного поэта есть особенное, глубинное понимание настоящего и мудрое предощущение будущего. Причем иногда судьбоносные повороты в жизни родного народа, отчей страны угадываются ими по фактам частным, будничным и предсказываются не в каких-то претендующих на философские обобщения строках, а в стихах глубоко личных, исповедальных. В шестидесятых – начале семидесятых годов, когда особо шумную популярность получила "эстрадная поэзия" с ее идейными заклинаниями, бодряческим оптимизмом, разрешенной смелостью в борьбе за утрачиваемые "идеалы", Николай Рубцов принес в русскую лирику подлинную духовность, продолжил ее исконные, национальные традиции. В стихах поэта зазвучала глубочайшая тревога за живую русскую душу. И предчувствие надвигающейся катастрофы в народной жизни:

И вдруг картины грозного раздора
Я в этот миг увижу наяву.

Россия, Русь! Храни себя, храни!
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времен татары и монголы.

Николай Рубцов и сам понимал, что выстраданные слова в поэзии имеют провидческий смысл. Когда разговор шел о безграничности поэзии, Рубцов утверждал, что у каждого, даже самого посредственного, поэта есть стихи, много или мало, пусть хоть одно, – мудрые, пророческие, всегда остающиеся современными, и что все поэты, знают они это или не знают, хотят того или не хотят, – пророки.

В этом еще одна притягательная особенность поэзии. И всё же – пророчествовать о смерти ни в стихах, ни в прозе не стоит…

Полная версия – на сайте

АНО “Газета русских писателей «ДЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ»”
Учредитель – Союз писателей России
Свидетельство о регистрации от 23.06.2017
№ 1177700010311

Адрес редакции: 119146, г. Москва, Комсомольский проспект, 13, каб.109
Тел. редакции: 8-916-015-80-69
Наш сайт: denlit.ru Электронный адрес: denlitera@yandex.ru
Изготовитель: ИП Богданов Михаил Евгеньевич.
143700, Московская обл., Шаховской р-н, Шаховская рп, Строителей пер., д.1, кв.18
Тираж 2 000

Главный редактор –
Владимир БОНДАРЕНКО
Выпускающий редактор – Валентина ЕРОФЕЕВА

Позиция редакции может не совпадать с точкой зрения авторов 18 +

Подписано в печать 27.08. 2018 г. Заказ №